

Кирилл Чистов

ОСЕННИЙ ПОЛДЕНЬ

ОСЕННИЙ ПОЛДЕНЬ

Кирилл Чистов

Курши Честов

ОСЕННИЙ ПОЛДЕНЬ

2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Ю.К. Чистов)	7
Осенний полдень	9
ГОДЫ ВОЙНЫ	
Стихи забытые приснились мне вчера	9
В партизанском секрете	11
В плену. Ночь	12
Ближих война развела по углам	14
Стрела на моём плече горит	15
В тифозном сарае	16
За побег – к расстрелу	18
Этот день – как белый медведь	20
Если даже и нечем	21
И мокнут яблони	21
Гонят колонну	22
Над полями поляцкими «мажец»	24
Сегодня в деле наша рота	24
Маршем, маршем, сколько хватит сил	25
Чужие посёлки	26
На рассвете	27
Мир с недавнего так устроен	28
В памяти моей ветвистой	29
Я – анекдот, придуманный войной...	30
ИНЫЕ ГОДЫ	
Конец зимы – весны начало	31
Подрастают за зиму девчонки	32

Дождь! Зеленый дождь! Совсем зеленый	33
Пускай весна случится... Пусть!	34
Весна в Курземе	34
Закат в Дубулты	35
Когда нас обступает осень	36
Давным-давно был буйный снегопад	37
Лужи бензина и конский помёт	37
На перекрестке	38
Ах ты, поезд, шипун и шатун	40
На чужом полустанке	40
На медвежьей тоне	41
Песня	43
Столбы, столбы, да пыльная трава	43
В духе восточном	44
По всем законам и уставам	45
А мне как в лифте!	45
Вдоль времен и поперек	46
Другие пиджаки, иные лица	46
Мост и река. И отраженьё	47
Когда деревья с ветром спорят	48
Ах, вы голуби, голуби, голуби	49
Земля	50
Пронёсся рыжий суховей	50
Есть такая птица – кукушка	51
Приснись хоть ночью, Ариадна!	53
Коктейль	54
Стареющим друзьям	54

Наполеон Бонапарт	55
Нет, время не идёт	56
Велел мне лекарь нищим стать	58
Как назвать мне тебя, жена?	59
Далеко нас поразбросило	59
О чём хлопочут птахи по утрам	60
Осеннее утро	60
Пока нам не к спеху	61
Зазвонил телефон и по звуку	62
Письма	63
Вечер вдвоём	67
Автобус	69
В духе Гейне	70
Это не стружки с моего верстака	70
В столице дождь и листопад	71
Такая женщина меня любила	72
Казалось: осень в пух разорена	73
Февраль присвистнет, как жиган	74
Закат, ветер и деревья	74
Закат в окне поезда	75
Мне неважно – как величают	75
Аллегро Шостаковича плясало	76
Совсем не надо торопиться	77
Окно	77
Ты называешь осень гимном...	78
Бежит из Петербурга Ленинград	78
Учитесь жить у проводов	79

Музе моей	79
Сады Кахетии цветут	81
Деревья почернели от забот	81
Теперь я понял: Неотвратимость	82
Осень лихая пуста	83
О, Господи, ты разве бог!?	83
Ах, не морочь, не тарахти, апрель!	84
А в марте все (увы!) неточно и непрочно	84
День тревожный и хрупкий	85
Постылый дождь! Он так уныл...	86
Стихи прибредились, приснились, пришептались	86
Ах, в марте снова в лес придем мы	87
Весело и как-то ловко	87
Две вариации о тишине	88
А до зимы осталось пять минут	89
Торжественная осень, не спеши	90
Нелегкий груз поэзии родной	91
Смерть надо мной кружила с давних пор	91
Игольчатый снежок	92
А на стене детсада слон изображен	93
Меня тревожат эти сосны	93
Да! Жизнь очень коротка	94
Так горько мне, что с некоторых пор	94
Поэт хорош, когда он плох	95
Ах, я, наверно, не ученый	95
ПЕРЕВОДЫ ИЗ Р.М. РИЛЬКЕ	
Ночами мы всему находим имена	96

Детство	97
Над скорбным днем я царствовал опять	98
Кто мне скажет, куда	99
Решающий час	99
Из ночи бурь	100
В эти ночи во всех городах	100
Осенний день	101
Случится иной раз: проснется ветер	101

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сколько я себя помню, с самого раннего детства, я всегда знал, что мой отец пишет стихи. Хорошие стихи, такие, что часто запоминаются целыми строфами со слуха, с первого раза, удивляют своим ритмом, рифмами, поэтическими образами и метафорами. Я помню, как часто отец в выходные дни или вечером, устав от работы, говорил маме, мне, моему старшему брату, другим членам нашей большой семьи: «Хотите, я вам прочту несколько новых стихов?». И читал, а потом всегда спрашивал у мамы, нравится ли ей?

У меня всегда было впечатление, что желание, а впрочем и возможность писать стихи у него были и есть далеко не всегда. Его ум всегда и постоянно занят мыслями, связанными с книгами и журналами, что находятся в данный момент на его рабочем столе, неоконченной страницей статьи или книги в пишущей машинке. Чаще всего в его жизни признанного и в высшей степени авторитетного ученого, этнографа и фольклориста, члена-корреспондента РАН, желание и стремление вернуться к занятиям поэзией – писать, да и читать запоем поэтические сборники возникает в особые периоды его распisanного по часам и минутам времени – отпуск, болезнь, вечернее одиночество в командировке.

Я прекрасно понимаю, как это трудно всю жизнь делить себя между талантом и призванием ученого и столь незаурядным поэтическим даром. Даром, который обнаружился еще в школьные годы, развился благодаря занятиям в Литературном университете для школьников под руководством столь яркого и талантливого поэта и переводчика, каким был С.Я. Маршак. Недавно отец опубликовал в журнале «Звезда» свои воспоминания о Маршаке, дружбе между Учителем и Учеником, которая

продолжалась долгие годы, в том числе и когда отец уже был известным ученым. Конечно, во многом именно благодаря влиянию этого человека отец стал в предвоенные годы студентом филологического факультета Ленинградского университета, аспирантом профессора М.К. Азадовского после окончания войны. Военной теме посвящена первая часть этого сборника, большая часть этих ранее не публиковавшихся стихов была написана в партизанском соединении, немецком плену.

В кругу его друзей всегда было и есть много литературоведов, писателей, поэтов. Иногда, в основном по настоянию мамы, он читал свои стихи и в дружеском кругу. Их горячо одобряли поэты Булат Окуджава, Давид Самойлов, Александр Кушнер, авторы книг об истории русской поэзии Л.Я. Гинзбург, Б.Я. Бухштаб, В.С. Баевский, советовали публиковаться, предлагали помощь. Но на это не было времени, не было желания изменить занятиям любимой наукой, объявить себя профессиональным поэтом. Время было занято научной работой, руководством большим отделом в академическом институте, редактированием академического научного журнала. И все это сочеталось с давним желанием переводить стихи своего любимого поэта Р.М. Рильке, чем он занимается и в последние месяцы. Для этого сборника он придирчиво отобрал несколько таких переводов.

Накануне 85-летнего юбилея отца мы, его дети и внуки, решили, что можем и должны ему сделать этот подарок – опубликовать книгу его стихов, стихов, которые являются частью жизни нашей семьи. Мне все время кажется, что мы должны это сделать и в память о моей маме, которой прямо или косвенно посвящены многие поэтические строки этого сборника.

Ю.К. Чистов

Осенний полдень –

Золото и грязь,

И серебро дождя,

и власть

Воспоминаний, опадающих как листья

С деревьев, корчащихся в твисте

Под ветром, вихрем, всплеском, штормом

Холодным, влажным, резким, взорным...

Осенний целомудренный стриптиз –

Одежды падают легко и грустно вниз

Под шум дождя, под звон трамваев...

Всё это по привычке называем –

Осенний полдень.

ГОДЫ ВОЙНЫ

... Стихи забытые приснились мне вчера...

В них проблеснули наши вечера

И ночи белые над синею Невой,

Дома, налитые до окон синевой

И в стёклах жизнь в её течении простом,

Не затемнённая ни шторой, ни крестом.

Граниты, мытые весеннею водой,

Не размалёваны зелёною бедой,

Сады, не знавшие бессмысленных сетей,

Баллонов, распугавших няnek и детей,
Зелёных пушек, притворявшихся кустами
И стороживших небо над мостами...
Ах, небо белое! Оно не зрело взрывом –
Весёлой пустотой висело над заливом...

Кресты бумажные! Они перекрестили
Всё, что мы в душах бережно растили,
Прикрыли окна знаком пустоты,
Дома ослепли – щебень да кресты.
Разъятый мост, что в небе белом реет,
Казаться стал зенитной батареей.
Рассвет гудком не созывает смену,
Он ждёт, застыв, тревожную сирену.
Влюблённые не бродят по Фонтанке –
Пылят пешком или трясутся в танке.
Влюблённые не шепчутся без толку –
Шлют поцелуи в мятых треуголках.
На треуголках нету даже марок –
В/ч да номер, а не адрес старый.
Едва припомнишь адрес довоенный –
Его завыл, заваял вой сиренный...

... Стихи такие мне прибредились вчера.
Я не хотел их помнить до утра,
Но память и во сне не покидала,
Как пассажир бездомный зал вокзала.

В партизанском секрете

Подо мною в траве роса,
Надо мною в ветвях роса...
Не пройдет и полчаса,
Как застигнет нас гроза!

... И когда домой придём
Мы припомним эту ночь!
Хорошо в лесу вдвоём,
Ещё хуже – в одиночку.

По ноге ползёт мураш;
Не мурашки, а мураш.
(Поправляю патронташ).

И ему не спится тоже,
И у них война, быть может...
Наш мураш или не наш?

... И когда домой придём,
Мы припомним эту ночь!

Спать не смей!

И спать не смей!

Только слушать и смотреть!
Подберётся тихо смерть!
Спать не смей

и спать не смей!

Хорошо в лесу вдвоём,
Ещё хуже – в одиночку.
Омывает ветерок

Розовеющий восток.
Солнцу долго не согреть
Мокрый от росы курок.
... И когда домой придём
Мы припомним эту ночку!
Хорошо в лесу вдвоём,
Ещё хуже – в одиночку.
(1941)

В плену. Ночь

Этот ветер в этом мраке
Размывает грани линий
И уходит из барака
Мир нелёгкий на помине.
Окон смутные квадраты
Темнота пробьёт навывлет,
И не верится, что рядом,
Где-то рядом
люди были.

Где-то рядом
За спиною,
За соломой,
За стеною
Лился, длился день безликий,

Крёстный путь в пыли и зное:

Патрули,

приклады,

крики,

Ноги, спины,

а на спинах

Мерзкий знак, как на скотине!

Ни наестся, ни напиться

Пойлом из консервной банки...

А кругом чужие лица,

Чёрные с крестами танки,

И ночные, и дневные

В небе коршуны когтятся!

Где ж вы, соколы родные?

Где летаете вы, братцы?!

Окон смутные квадраты

Темнота пробьёт навывлет

И не верится, что рядом,

Где-то рядом люди были!

Только скрип шагов патрульных,

Шепот шепчущих о деле,

Да свист залётный нашей пули...

Дай ей бог пробиться к цели!

Ближих война развела по углам,
С чужими жить приказала...
Полустанками стали родные дома,
И домами стали вокзалы.

Год, прочитанный по складам,
Пусть нелёгкий

и невесёлый

По горящим, голодным селам,
По заклёванным городам!

Днём я был

молчалив, нем,

Думал: сгинет,

не повторится,

Но и ночь –

это та же темь,

Это те же чужие лица,

Те же залпы гремят вдали,

И в дыму и пыли

То же зарево на востоке,

И скитальцев жизнь сама

Приучает думать о боге,

Выживающем из ума.

Может быть, не праздновать нам,

Не назвать эти дни своими,

Но пришедшим с Запада к нам

Не вернуться назад живыми.

Немцы сёла наши спалят,

Города по полям развеют –
Чёрной прорвой им станет земля,
Развороченная траншеей!
(1942)

Стрела на моём плече горит
Всем, кому надо,
она говорит:
– «Вот – пленный. Вещь. Скотина.
Бейте, кому не противно!»

Стрела на моём плече горит.
Я как будто к проклятой пришит.
И нет меня. Нет даже имени.
Смыто снегами и ливнями.
Никем никогда не спрошено.
Я просто «Brille» – «Очкарь», «Очки».
И кажется мне: не очки – пяточки
В глаза потемневшие вложены.
Что же мне делать? Копаю снег.
Ложусь, как запрут. Встаю, когда будят.
Никто не помнит, что я человек,
Даже люди...

И только ночью, впотьмах, во сне
Друг мой любимый ползёт ко мне,
Он скажет сейчас мне слово,

И я скажу ему слово,
И он повторит мне снова:
– «Подвинься тихонько и слушай» –
Звали тебя Кирюшей.
Звали тебя Кириллом.
Было то. Было. Было!
Отольются им наши слёзы,
Приморозятся наши морозы,
Наши молнии, наши грозы –
Настругают крестов берёзовых!
А мы ещё люди. Люди.
И мы ещё будем. Будем!

(1942)

В тифозном сарае

Спасибо тебе, золотая солома!
Мы долго с тобой провалялись вдвоем...
Когда мне дремалось,
ты пахла как ломоть
Черного хлеба.
Как память о нем.
Когда мне дремалось, была ты как поле,
Прямилась дрожа
и струилась зерном,

А где-то за полем
 как доля,
 как воля
Мой старый,
 еще не покинутый дом,
Где ждут меня ночью
 и, может быть, днем
Где стал я давнишним, неправдашним сном...
Когда мне дремалось,
 побыл я дома...
Спасибо тебе, золотая солома,
Нам повезло:
Собакам назло
Нас бросили тут на сожранье вшам.
Нам повезло:
Никто нас не тронет,
Никто не рискнет даже сунуться к нам!
Нам повезло:
живых не хоронят,
А мертвых дают закопать землякам.
Ну что ж!
Я хочу, чтобы в могилу мою земляком
Был брошен последний земли ком...

За побег – к расстрелу

Велел нам вырыть три ямы рядом
Майор полевой жандармерии,
И нам за деревней, за старой оградой,
За белым, белым весенним садом
Три места они отмерили...

Лопата!

Она тяжела,

как винтовки приклад,

Она холодна,

как ствол карабина,

Она холодна,

как шеренга солдат,

Что по команде «вольно!» стоят

И молча глядят в наши спины,

Придерживая карабины.

Ну что же, друзья мои,

рыть, так рыть!

Ну что ж, мои милые,

плыть, так плыть

В эту чёртову неизвестность!

Ведь где-то пришлось бы

в конце концов

Ткнуться в песок побелевшим лицом,

А здесь – неплохая местность!

А яма всё глубже,
Она всё круглей,
Она – как ствола зрак,
Она нас всё ниже гнетёт к земле,
Всё ближе её мрак!

Лопата стучит
И сердце стучит:
– «Спокойней. Спокойней.

Молчи!

Пока ещё руки не связаны,
Пока стрелять не приказано
Надо бы броситься разом нам
На палачей
И лопатой лупить
всё равно чей
Проклятый вражеский череп!»
Но нет!
Не дарована лёгкая смерть,
Истерика нам не завещана.
Пока не оборвана жизни нить,
Будем презреньем врагов казнить,
Свинцом пусть лица исхлещут нам!
Кончили рыть...
Стоим. Ждём.
На лицах – бусинки пота.
Но (сволочи!) поняли что-то,
Говорят нам: «Шпетер убьём.

Вир браухен твоя работа».
Ах, так вы не стреляете!
Всё равно постоим на своём,
Всё равно мы своё споём,
... Не запугаете!...
... Сердце моё! Как ты вместишь
Сатанинскую эту небыль?
Долго не слышишь:
 бой или тишь.
Долго, долго совсем не спишь
И не знаешь
 ни хлеба,
 ни неба!

(1943)

Этот день – как белый медведь,
Неуклюжий и мокрый –
Ему бы на брюхе елозить,
 реветь
Да лапу сосать дó крови!
С лохмотьев белёсых
 струи бегут,
Стекаются в лужи...
И только глазами следит:
 убьют,
Или ещё нужен?

(1943)

Если даже и нечем,
Все равно ты вспомни меня
В этот вечер,
Зимний вечер
Под шелест огня...
И спрошу я как можно тише,
Но ни слова не угаю:
«Ты меня по-прежнему слышишь?
Или только
Память мою?»

... И мокнут яблони,
и тяжелеет дым,
И пушки ухают настойчиво и глухо,
А мы в песок зарылись и сидим,
Не доверяя зрению и слуху.
Нахлынет вечер, отстоится ночь,
А утром мы должны пройти долину.
Она такая же точь-в-точь
Как все долины –
надолбы да мины,
Снопы пристрелок на шестах да пятна
Полян, спаленных яростью «Катюши»,
Стволы искромсанных бомбёжкой пушек,
Воронки взрывов да бензина лужи,
Да груды ящиков снаряжных...

Но город за холмом давным-давно нас ждёт.

Мы, наконец, войдём в его кварталы!

Навстречу хлынет нам заждавшийся народ,

Изголодавшийся, истерзанный, усталый...

И как всегда – рыдающая мать,

Тоскующая дочь

начнёт искать

Сыночка

и отца

и мужа среди нас,

Всех обгоняя, вглядываясь в лица...

Всё это повторялось столько раз,

Ну пусть скорей ещё раз повторится!

Итак, наутро подготовка и бросок...

Сидим и ждём и хоть не спится – спим.

Со стен траншеи сыплется песок,

И мокнут яблони,

и тяжелеет дым!

Гонят колонну

В спины нам автоматы глядят.

Чуть упади – и они загалдят,

Они застрекочут, заверещат...

Los! Los!

Weg! Weg!

И мы шагаем. Без слов. Без слёз.
Век. Век.
Как же может идти человек
Ни в будущее и ни в прошлое,
В незваное и непрошенное,
В нежатое и некошеное,
В нежданное и нероженное,
А кем-то чужим подброшенное?..
Нас гонят. Гонят. И с каждой верстой
Повторяем вопрос простой:
– «На сколько шагов приблизились?»
– «Какие то там сегодня дела?»
А к плечу моему пришита стрела –
Я пленный такой-то дивизии.
Пленный? Это чин чересчур благородный.
Gefandene – «пойманный», «схваченный» я.
Наверно поэтому вшивый, голодный.
Да что там голодный! В дело негодный!
Осиль, моя сила нетраченная,
Не плачь, пока неоплаченная,
Пусть знаком любым обозначен я!
Пусть пыль и земля. Пусть – чужие следы,
Густеют кусты и редуют ряды...
Буду брести,
Буду нести своё тело.
Пусти, земля, в дорогу, пусти!
Мне надо дойти до дела!
(1942)

Над полями поляцкими «мажеш»
(«март» по-нашему, по-простому),
Он грязищу свою размажет
От Неметчины аж до дому!
Он от зимней спячки излечит,
Буйной зеленью опьянит,
И мечтой о великой встрече
Будет каждый день именит!
(1945 г., Польша)

Сегодня в деле наша рота.
И мы опять ползли болотом,
И снова я стрелял в кого-то,
Рыл щели до седьмого пота,
Перебегал в другие щели,
Тащил трубу от миномета,
Потом опять стрелял в кого-то,
Почти не видя и не целя...
Нам нужен холм за этой рощей,
Войной обглоданной и тощей!

Нам нужен холм за этим полем –
Сегодня в ночь он был паролем,
А отзывом была речушка –
По ней с холма достанет пушка
(достанет, если не устанет
гудеть чугунными устами).

Нам нужно до холма пробиться –
С холма уже видна граница...
И, по законам всех стратегий,
За ней опять холмы и реки,
Поля далекие (не наши –
Мы их не любим и не пашем),
Деревни, города, столицы
(в них нам ни греться, ни гнездиться!).
И автострады, и дороги...
По ним прошёл он – многоногий,
Он – многоствольный, многокрылый,
И многорукий, и кровавый,
И многоликий, многорылый,
Он – натворивший всё, что было...
Нам нужен холм за этим полем.
Сегодня в ночь он был паролем!
(1945)

Маршем,
 маршем,
 сколько хватит сил
День отбыл,
 отгрохал,
 отпылил
И закатным заревом облитый
Вечер встал над Речью Посполитой.

Пани ставни на ночь запирали,
По дворам индюшки клекотали.
Третий раз мы видели луну,
Третий раз клонило нас ко сну.

Маршем,

маршем,

сколько хватит сил,

К Prugam Wsodnim, как приказ гласил.

До границы пять бросков вперёд!

Смерть сама за нами не уйдёт,

Позабудет, перепутает черёд,

Маршем,

маршем,

сколько хватит сил.

День отбыл,

отгрохал,

отпылил!

(1944 г., Польша)

Чужие посёлки

По-пруссацки,

За рядом ряд,

Нахлобучив крыш треуголки,

По команде «смирно»

Стоят.

Земля чужая...

Небо сизое круглый год...
Нашей радости не узнает,
Горя нашего
Не поймёт!
Всё, что есть родного на свете,
Чем ещё дорожишь –
Это нашей Балтики ветер
В чешуе черепичных крыш,
Это волны Балтики нашей,
Шелестящие под дождём.
Что-то нового нам расскажут?
Подождём ещё, подождём...
(1945 г., Германия)

На рассвете

Смешная девочка в солдатских сапогах
(Шинель. Ремень. Две молнии в петличках),
Как все бойцы, по фронтовой привычке,
Лежит и спит на брошенных снопах,
Раскинув в стороны косички,
А под щекой пилотка и рука
И по длине подвёрнутый рукав...
Она верна прифронтовой привычке,
Сейчас она простая костромичка
И так она от фронта далека!

Совсем забыла, как звенели пули,
Когда с подругой на НП тянули
В который раз налаженную связь,
А связь опять терялась и рвалась...
Совсем забыла, как вчера устала
И как опять женой комбата стала...
Совсем забыла, что ей завтра в бой
И счастлива побить сама собой!
Бок о бок с ней её подружки спали,
Но им, бедняжкам, снились пули,
Разрывы, взрывы, дым развалин
И связь они во сне тянули...
А ей бы спать и спать, не просыпаясь сутки,
Но полчаса осталось до побудки...

... Совсем недавно школьницу я встретил.
Передник. Платье. Две косички.
Портфель и книжки в девичьих руках.
Совсем как та,
 другая, на рассвете,
Совсем как девочка в солдатских сапогах!

Мир с недавнего так устроен,
Что прославиться легче всего...
И не стало слова «герои»,
Просто «люди» – вместо него.

И, сошедшие с пьедестала,
Порешили: других не стало,
Нам поэтому не пристало
Называть друг друга на «Вы»!
И сошедшие с пьедестала
Славят поднятое забрало,
Вместе с нами в домах теснятся
Одеваются как попало;
Им работа на плечи пала,
Им заботы ночами снятся!
И они не желают сами,
Чтоб их кто-то признавал —
У оставшихся жить —
 под ногами
Нашей общей земли
 пьедестал!

(1946)

В памяти моей ветвистой,
Как на ветвях деревьев птицы,
Друзей моих погибших голоса...
Они всего на свете мне дороже,
Они меня тревожат на рассвете,
Я жду их, просыпаясь по утрам...
 Но почему-то с некоторых пор
 Я слышу их всё глуше и тревожней,

Как птичьи голоса перед дождём!
Они всего дороже мне на свете,
Но почему-то перестал,
 как прежде,
В нестройном гаме
 каждый голос различать!

(1967)

Я – анекдот, придуманный войной...
И вот беда: она его конец забыла,
Забыл и я, о чем там дальше было,
Чтоб люди не смеялись надо мной!
Я – песня, утомленная войной...
Вчера забыт последний запева,ла,
А тот припев, что рота повторяла –
Он доживает эти дни со мной!
Я – сказка, воссиявшая во сне
В окопе между взрывами снарядов
(На той же самой, на моей войне),
Десятки лет мне снившаяся кряду...
... Я – сказка, песня... Даже – анекдот.
Но мне не стать поэмой и романом.
Я мемуарным не даю обманам
Тащить меня на этот эшафот!

(1973)

ИНЫЕ ГОДЫ

Конец зимы – весны начало

1

Ещё не сняли шубы,
Ещё дымятся трубы,
А весна

звенит!

Одна из целой стаи
Голубка голубая
Купается в капели,
Расправляет перья
И крылья теребит!
Одна из целой стаи
Она теперь всё знает,
Она теперь – весна!
Другие,

там, на крыше,

Тоже что-то слышат,
Им тоже не до сна.
Говорят – воркуют,
Подругу дорогую,
Голубку голубую
Ругают, величают,
Слетают на карниз,
Всю стаю собирают

И девчонкам верится – не верится,
Что теперь не девочки, а девицы,
Девушки – не девочки теперь...
Будто где-то распахнулась дверь
И теплом и ветром издалёка
Веет вдоль по улице у школы,
И в толпе весенней и весёлой
Каждой непривычно одиноко!

*Ты скажешь: ветренная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокиящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила*
Ф.Тютчев

Дождь! Зеленый дождь! Совсем зеленый
Выплеснул сегодня кто-то свыше...
Перекрасил все – березы, клены,
Землю, где асфальта нет,
и крыши!

Что случилось с ветреною Гебой?
Разве краску лить ей было велено?
И откуда только
голубое небо
В зиму белую собрало столько зелени?

Пускай весна случится... Пусть!
Она прекрасна, как дорога!
... Но почему скворечник пуст
На нашем дереве высоком?
И листья, выпорхнув едва,
Сегодня утром пожелтели,
И прошлогодняя трава
В грязи заметна еле-еле?
Тревожна ранняя весна, –
Не зелена и не красна –
Она исполнена возвратов,
Она сама себе не рада...
Тревожна ранняя весна –
Миф повторить она не может,
Не воскресение от сна,
На осень позднюю похожа!
... Но пусть она приходит! Пусть!
Пускай случится и такая,
Пускай скворцы не прилетают
И наш скворечник старый пуст.

Весна в Курземе

Поезд на юг и на юг,
и уже мы
Маем летим над садами Курземе...

Поезд на юг и на юг,
и в окно нам
Брызнула зелень соком зелёным...
И, попорхав,
на ветви присела
Тысяча бабочек белых...
Это – черемухи дрема весенняя,
Яблонь и вишен весенний плен,
И о грядущих плодах моление,
И прозрение
перемен.

Закат в Дубулты

Сломав лучи, упало солнце,
Хлестнул предзакатный бриз,
И мы, и ближние эстонцы,
Казалось,
в космос сорвались...
Казалось, соскользнув с орбиты,
Закатным далям вперекрест,
Мы чёрной вечности открыты
И ветру оскудевших звезд,
Но вечность оказалась рядом,
Не за морем, не в море снов,
Она глазела влажным взглядом

На нас
и днём
из-за кустов,
Она сквозь чащи продиралась,
Накапливалась за углом,
Перед закатом разбежалась
И покатила
чёрный ком.

Когда нас обступает осень,
Лишая добрых летних прав,
Мы предаемся плену сосен
И окруженью рыжих трав,
Но почему-то прячем лица
От птиц, готовых улететь,
Не в силах с ними взвиться,
слиться,
Соединиться,

Не жалеть!
Но, впрочем, где она гнездится,
Душа,
к исходу летних дней?
Быть может, вовсе и не в птицах,
А в шишках, прянувших с ветвей?!
... Осеннее слепое время
Их вовсе не собьет с пути –

Туда, где меня не бывало и нет
Столько недолгих, коротких лет.
Только бы мне не стоять на месте –
Вдвоём, одному и со всеми вместе!
Натянуты нити...

порваны нити...

Натянуты нити...

порваны нити...

Тяните меня за собою,

тяните,

Как спутника тянет земля по орбите,
Как путника тянет обещанный Китеж,
Куда не войдешь

и откуда не выйдешь...

Только бы мне не стоять на месте

На перекрёстке,

на переезде,

На перелёте,

на перезвездье!

«Стойте!» – «Идите!»

«Стойте!» – «Идите!»

Если стоять не стоится – идите!

Если идти не идётся – бегите!

«Можете? Нет?»

«Можете? Нет?»

«Можете? Нет?»

Ах ты, поезд, шипун и шатун,
 чудодей,
Привези-ка в наш город ветер с полей
И сосновых пахучих, колючих ветвей!
Три вагона ветров,
 сто вагонов ветвей...
Ах ты, поезд, свистун и шаркун,
 чудодей,
Привези же в наш город
 хороших людей,
Развеселых людей и добрых людей,
Полных добрых забот
 и веселых затей!

(1966)

На чужом полустанке

Нет плоше пустого вокзала –
Погаснут огни –
 и растает перрон...
Мой дом однодневный чуть-чуть не умчало
(За озером дальним уже простучало:
 Урон – не урон,
 Урон – не урон?).
В вагоне тепло
 и движенье,
 и люди,

И белым завешена чёрная ночь.

Без графика спят

и по графику будят•

Прочь-прочь и прочь-прочь,

Прочь-прочь и прочь-прочь!

И чай наливает в стаканы без блюдца,

И спит без кровати дорожный народ...

И некогда ждать и вокруг оглянуться,

Попробовать снег

или в ночь окунуться –

Вперёд и вперёд,

Вперёд и вперёд!

Прощайте, огни и чужой полустанок,

Тропинки,

сугробы,

и сосны,

и ночь...

Мы чай наливаем

всё в те же стаканы...

Прочь-прочь и прочь-прочь,

Прочь-прочь и прочь-прочь!

—————

На медвежьей тоне

Сегодня ночью не заснуть.

Прибойный ветер...

И опять

Воде в заливе прибывать,
 А нам пускаться в путь.
 Да! Всплески волн
 не сосчитать
 И песен всех
 не перепеть...
 Но разве можно просто
 спать,
 Когда прибой начнёт шуметь,
 Когда сосна начнёт скрипеть,
 А люди
 песни петь!
 И наша песня так близка –
 Она звенит вдали,
 Где ходит у тоней треска
 И тихо плещутся гали¹,
 На тех далёких островах,
 Где скалы да сосна,
 Где в песнях трудные слова
 И людям не до сна!

¹Гали – сельдь.

Песня

Не слышно слов,
Но голоса
Стонали песню полчаса...
Тебе казалось, что поют?
А люди плакали навзрыд,
Тепло покинув и уют!
И смысл песни был закрыт,
Закрыт
Для пришлых и чужих...
А я гордился тем, что их
Слезами сердце омочил,
И вместе с ними
Пел
И пил!

Столбы, столбы, да пыльная трава, ..
Висят, гудят над миром провода,
Как позабывшие о море невода.
Проткнули даль, поникли и обвисли,
Летят по ним размытые слова,
Искрошенные в буквы мысли...
А где-то вдалеке, где люди, там
Выпархивают стайки телеграмм,
Несут на белых крыльях по домам

Сухие цифры и потоки слёз,
Сиянье радостей и грохот гроз,
Сердце признание без предлогов,
Казённый дом и дальнюю дорогу...

В духе восточном

Где-то книга такая есть:
В ней записано всё подряд,
Что должно было бы случиться...
Но подряд её не прочесть –
Ветер вечности наугад
Перелистывает страницы.

Над одной я как-то уснул –
Ветер тотчас её повернул.
Не успел я ещё проснуться –
Он другой велел повернуться.

И с тех пор мне больше не спится,
Я спешу дочитать страницу,
Но едва прочту половину –
Ветер дует ей в гибкую спину...

По всем законам и уставам
Я мог бы объявить себя усталым...
Но быть усталым не могу,
Но быть усталым не хочу

– не доверяю я усталым:

Им время души опростало,
А я – по ветру времени лечу.

... А мне как в лифте!

Сердце отставало,
Когда кабина падала в провал подвала...
А мне как на подножке!

Поезд мчится,
Удвоен вес и примелькались лица...
Я на ветру как ветреный мальчишка –
Кричу, смеюсь, как будто тяпнул лишка.

... А мне как в лифте!

Сердце ли отстало?
Быть может, просто тяжелее стало?
А мне как на весах!

Качает –
То вдруг отяжелит, то облегчает...

Вдоль времен
 и поперек
Нашатались...
До сих пор нам невдомек:
Как остались?
Но мы живы!
 Это факт,
Не реклама.
И играем пятый акт
Той же драмы.
Акт играется один
Повсеместно...
Сколько будет в нем картин –
Неизвестно!
(1952)

—————

Другие пиджаки, иные лица...
Но мы «шестидесятники»!
 Нам снится
Всё, что им снилось столько лет назад,
И этим снам я рад!
Наверное, всегда на свете
Бродили рядом взрослые и дети,
Встречалось будущее с бывшим,
И пароход гудел вослед уплывшим...

Да! Да! Конечно!

Мы немало значим,

Нас будут помнить, может быть любить!

Но что ж в ладони лица прячем

И что-то силимся забыть?

Нет! Память – не сито!

И ей не предпишешь!

Чтоб: то-то забыто,

А то-то для книжек,

Уж лучше нам помнить

Всё без изъятий!

Жизнь по праву.

Смерть без устава.

Мир. Переправу,

Пожары и травы.

Сладость. Отраву.

Бесславье и славу,

Парад и проклятья!

Беспамятство сиро.

Уж лучше нам память,

Чем в черепе дыры

И сердце как камень!

(1960)

Мост и река. И отраженьё

Моста в суровой глубине вод.

Так нашей мысли напряженье
В холодных оттисках живёт.
Но как на реках, так и в книгах:
Присвистнет ветер – быть беде!
И вот моста легчайший выгиб
Пятном нелепым на воде.

Не огорчайся! Знай заранее:
Лишь только ветер отхлестал,
Всплывут, как чудо, очертанья
Пролётов и перил моста...
И снова мост,
 и отраженье
Моста в спокойной глуби вод,
И снова мысли напряженье
В привычных оттисках живёт.
(1949)

Когда деревья с ветром спорят,
Ведут крылатый хоровод,
Шепчу тихонько: «Море!..»
И вижу ясно: море! море!
И в море дальний пароход!
Он небольшой, рыбачий, простенький,
Чуть в силах волны превозмочь,
Фосфоресцируют на мостике
Кружки и стрелки день и ночь...

Но капитан в суровом кителе,
В фуражке, сдвинутой на лоб,
Спокоен, точен, удивителен,
Как Ной в нахлынувший потоп.

Ах, вы голуби, голуби, голуби,
Бестолковые птицы мира!
Вы пшено здесь клюёте долюбви,
Пьёте допьяна, спите дожирна
И гнездитесь на крыше тира...
Все блага вам положены!
А для счастья вам надо много ли?
Да и счастье само вам надо ли?
(А под крышей выстрелы хлопали
И жестяные птицы падали!)
Вы живёте, к кормушкам прилеплены,
Не прогонишь вас с места хлебного,
Коротка и глупа ваша песенка...
Я б с такого мира повесился!
Бестолковые птицы мира,
Вы живёте на крыше тира,
Безмятежной гордитесь придурью
Откровенно, открыто, искренно...
Впрочем...

Мы вам часто завидуем —
Нас тревожат далёкие выстрелы!

Земля

Снег – чист, земля – грязна.
Бесплоден он. Родит она.
Она весною некрасива,
Но нам даёт и хлеб, и пиво.
Она пылит и сушит летом...
Какое дело нам до этого?
Давайте, рифмой поиграв,
Её прикроем строем трав;
Цветами слов, кустами басен,
Давайте грязь поразукрасим,
Чтоб не узнать – земля ли, небо ли...
Мы всё равно на небе не были
И кто там знает, как рожают
На небе зёрна урожая!
Давайте снова подождем,
Пока весна пройдёт с дождём.
Давайте жить до самой осени,
До новых зим, до новой озими.

Пронёсся рыжий суховей,
Свалил дома, осыпал нивы...
И что ж?
Жива надежда без людей
И люди без надежды живы!

Опять протянута рука...
Что вложим снова в эту руку?
Какую горькую науку?
Надежду снова на века
Приподновлённую слегка?

Есть такая птица – кукушка..
У неё неважная слава...
Есть такая птица – кукушка,
Птица странного нрава...
Гнездованья традиции ей не указ,
Не строит гнёзд (или дач?), как орёл или сойка.
Среди птиц кукушка
даже не класс,
А просто – прослойка.
И верно! Даже яйца свои она
В чужие гнёзда кладёт по привычке.
Снесёт яйцо – и никому не нужна,
Улетает – ни мать, ни жена –
Космополит, а не птичка!

Вот такая птица – кукушка!

Такова и кукушкина слава...
Потому и ругают кукушку
И слева, и справа!
А подкинутый ею младенец
Во гнезде ещё птиц удивляет:

Ещё птенец, а уже отщепенец
Или просто перерожденец,
Недаром и слава такая!
А если перья и хвост он сменит
(Под орлят или даже галчат)
– «Не птенец, а приспособленец!»
Тут же птицы ему кричат –
 «Таковы вы уж все, кукушки,
 У вас недаром дурная слава!
 Беспринципны вы, как кукушки!
 Как кукушки, вы все лукавы!»
А несчастная мать мечется по лесу
(Что ей ещё остаётся делать?),
И кажется ей: от Сахары до полюса
Снова земля вся обледенела...
Начинает она в отчаянии
Цепь пророчеств своих ковать,
Посреди лесного молчания
Куковать, куковать, куковать...
И тогда разъясняют (друг другу) птицы:
Кукование – это ложь,
А сами считают (авось пригодится?)
Сколько раз прокукует всё ж?
 Вот такая птица – кукушка,
 Такова и кукушкина слава!
 Так и надо ей, птице-кукушке,
 Коль она не меняет нрава!

Приснись хоть ночью, Ариадна!
Клубком и словом одари,
Чтоб выйти нам путем неладным
Из лабиринта до зари;
Чтоб не забыть: была удача —
Нам удалось клубок расплесть;
Чтоб, Минотавра одурачив,
Не позабыть, зачем мы здесь;
Чтоб не забыть, как, натываясь
На стены в этой черноте,
Мы думали: здесь тьма такая,
Что мы давно уже не те;
Мы думали: за поворотом
Один остался поворот,
А там конец, и будет что-то,
Что Минотавр не поймет.
... Но Ариадна не приснилась
И коротка чужая нить...
Кого же нам, скажи на милость,
Теперь в бессоннице винить?

Коктейль

Д.Р.

Смелее смешивай!

Вино и сок,

Добро и зло,

печаль и радость...

Здесь горечь обретает сладость,

Немеет сатана и скручен старый бог!

Цинична смесь... но такова эпоха

В ней нарочито смешаны и «хорошо» и «плохо»!

И так ли уж они несовместимы?

Смелее смешивай!

Крути неумолимо!

Стареющим друзьям

Не говорите больше громко!

Давно охрипли голоса,

Переродились перепонки

И выродились словеса.

Теперь ничем не возместятся

Ни безголосье, ни насад –

Нам, к сожалению, не двадцать,

Нам, к сожаленью, пятьдесят!

Наполеон Бонапарт

Это был, революция, твой генерал,
Но, как повелела эпоха,
Он с паперти церкви тебя расстрелял,
Церкви святого Роха!
Как доказал уже римлянам Рим,
Расстрел – не высшая мера,
Поэтому консулом стал он твоим
Восемнадцатого брюмера...
С головы твоей сдёрнут фригийский колпак,
Врагами народа стали ораторы,
А он вступил с австриячкою в брак
И объявил себя императором.
Дальше – полегче дело пошло,
Всё совершалось быстро:
Солдатом стал бунтарь – санкюлот,
А комиссары – министрами!
... И вот революции десять лет.
Юбилея никто не празднует.
Демократии нет. Республики нет.
Конвента не стало праздного.
(Май 1967)

Нет, время не идёт,
 ведь это мы проходим,
Проходим по земле,
 по улице между домами,
По берегу реки у самых волн,
И по лесу, и по полю,
 открытому нам с детства,
В горах, где каждый шаг – начало восхождения...
Идём,
 плывём,
 летим...
Стремимся
 удлинить свой путь,
Но только ускоряем!
И слишком редко
 смотрим на дома,
На окна,
 на витрины,
 на подъезды...
И слишком редко
 смотрим на камыш
У берега реки,
На камни у воды,
На рыб, живущих в волнах...
И слишком редко
 смотрим на цветы

На травы,
и деревья,
и поляны,
и на лесок,
что по соседним склонам
на гору взлетает...
Но что же делать,
если поезд мчит,
Корабль – плывёт,
и самолёт несётся,
И шаг привычный медлить не даёт?
Помедлить –
значит выпасть, вылететь,
разбиться...
Подробность –
это смерть,
И тишина,
как глухота,
опасна!
Остановиться –
значит: путь свой сократить.
Ведь это мы проходим по земле,
А время не идёт,
Оно –
лишь нашей скорости
обозначенье.

Велел мне лекарь нищим стать,
Рассудка подавить мерцанье
 Как трудно
 мыслить перестать
И погрузиться в созерцанье!
Ведь созерцанье есть разрыв
Со всем, что было от рожденья,
И мы должны, как бы не быв,
Вновь превратиться в слух и зренье,
И обонять как в первый раз,
И осязать свежо и глухо...
Но память есть у наших глаз,
И совесть есть у слуха,
Но даже осязанья нет,
Совсем лишённого сюжета,
А запахи прошедших лет
Пронзают мир наш, как кометы!
 Так как теперь меня лечить?
 Какое прописать питание,
 Коль невозможно отличить
 Мышление от созерцанья,
 Коль невозможно перестать
 Быть человеком в человеке?
Как мне на время нищим стать,
Не разорясь навеки?!

Как назвать мне тебя, жена?
Ты – мой дом и моя тишина,
Мои дети и мои книги,
Мой хитон и мои вериги,
Ты – мой хлеб и моя одежда
И в глазах твоих

отражена

Жизнь – вся – и теперь, и прежде.

Ты – жена,

Ты – моя жена.

Далеко нас поразбросило,

Далеко поразвело...

Зиму всю, до самой осени

Берегу твоё тепло.

Сердце-термос с жёлтой пробкою!

Только отходя ко сну,

Редко-редко, робко-робко я

Полглоточка отхлебну.

Отглотну

и снова дремлетя,

Путешествуется мне;

Заонежская Медведица

Где-то светится во сне.

А она звезда далёкая

И холодная звезда...

И под нею старомодные
Грохочут поезда...

О чём хлопочут птахи по утрам,
Заглядывая в окна к нам,
Свистя и занавески теребя?
Они хотят,
 чтоб я любил тебя!
Они хотят,
 чтоб я глаза открыл
Пока ты спишь под переплески крыл
И день тебя коснуться не успел...
Они хотят, чтоб на тебя смотрел,
Смотрел, как спишь —
 спокойна и светла
Как будто ждут тебя весёлые дела...

Осеннее утро

По злобе чьей-то
 или милости
Рассвета так и не случилось...
Соленый дождь размазал марево,
Как будто краскою эмалевой
Всю ночь каналы поливали мы...

Гудков отвальных не дожидаться нам;
Какая нынче навигация?
Дебаркадеры затуманены
И пароходы приарканены,
Дома насуплены, нахохлены,
И только окна чуть приохрены,...
Все утро нам опять гадалось:
Откуда взяться этой малости?
Когда-то были, значит, все же вы,
Восходы, на рассвет похожие!

... Пока нам не к спеху,
Я еще никуда не уехал...
Но хотелось бы ухитриться
Хоть разочек тебе присниться,
Хоть один раз тебе привидеться,
Хоть однажды тебе пригрезиться;
Пусть хоть делом каким,
хоть нелепицей.

Но присниться тебе, прибредиться!
... Ничего, что пока не уехал,
Ничего что пока не к спеху –
Это все потом наверстается,
Перемелется, перемается;
Это все потом израсходуем
Поездами и пароходами,

Телефонами, телеграммами,
Даже с нами –
теми же самими!

Зазвонил телефон
и по звуку
Я к трубке тяну мою руку.
Пальцы мои на тысячи верст,
Как провода, протянулись,
Всеми столбами в сугробы я вмерз,
Нырнул под дома и улицы.
Замкнулась цепь. Но это не цепь.
Слаботочная связь.
Как нарочно...
Как тебе слышно на том конце?
Наверное, как мне,
не точно?
Даю по буквам, чтоб было точней...
Кричу слова несуразные...
Но ночь над нами еще ночней,
И тучи над нами еще тучней,
И месяц еще проказливей.
Кричи или даже стучи ключом,
Техника тут совсем не причем,
Просто от расстояния
Короткие замыкания!

Разрядов такое количество
Не знало еще электричество;
Разрядов такое качество
Провода рассекает начисто.
И как изоляторы ни стараются,
Строчки в строфы смыкаются,
Искрят и шипят помарки,
Ползут в конверты под марки.

Письма

1

Ты мне пишешь: «Совсем твоя!»
Ты моя. Но как же мне быть,
Если ночью не выждать дня,
Днем до вечера не дожить!
Захотела памятью стать,
Сном присниться,
Провеять ветром.
Как мне жить,
Как мне быть,
Как мне ждать
Этим злым и бездомным летом?

Ты мне пишешь: «Другие ждут...»
Ни черта о других не знаю!

Ночь гулкая гудит,
И каждый поцелуй,
И каждый шепот прямо сердцем слышен.

Ты мне слышна за шорохом страниц,
За беспредельным грохотом столиц,
За стукотом колес,
за скрипом семафоров,
Мимо которых
пролетит мой скорый
Скоро.

3

Мерзну, любимая, мерзну!
Пиши мне скорей, пиши.
Пока отогреть не поздно
Ледышку моей души.

Да! Сердце мое как льдинка,
Колючий, пустой предмет –
Ни шумов и ни кровинки,
Ни сердцевинки нет.

Как только письмо получишь,
Швырни эту льдинку в жар –
Пусть зашипит да тучей
Летучий взметнется пар!

Пиши мне, пиши скорее,
Надо нам поспешить.
До будущих январей я
Хочу поскорей дожить.

4

Трудно жить мне: все письма мои в пути.
Страшно: могут они заблудиться...
Дорогой почтальон! Даже ночью меня разбуди,
Если ночью ответ случится.

Нет! Письмоносцы ночами спят.
На гвоздях их сумки висят.
Разве станут они дежурить,
Да в такую еще, как сегодня, бурю?

Надо спать и не ждать.

Но за всхлестом метели

Слышу: стыки стучат, закричал паровоз.
Верно, письма повез.
Это, может быть, мой?
Это, может быть, мне?
Это, может быть, письма мои полетели?
Вижу рельсы: они, как и прежде, вдвоем.
Кто-то в красной фуражке, едва различимой.
Грохот встречных составов, дышащих дымом!

Когда мальчики наши вырастут
(Один – тихий, другой – задиристый)
И коснётся их сердца жизнь –
Наша юность, перескажись!
Передайтесь им, наши веления,
Книжных поисков борозда,
Парки в Пушкине, сердцебиения,
Лозы вербные, куст сиреневый,
Прионежские эти места,
Мои первые стихотворения,
Ожидания чистота.
Пусть не знают блокадного голода,
Пуль и бомб, и войны любой,
Но хочу им трудную молодость,
Труд и бой, как у нас с тобой!
Пусть на жизнь свою не посетуют,
Если даст им узнать всерьёз
Сладость встреч после дня победного,
Горечь долгих разлук и слёз.
Правда, долго ждать ещё лета им –
Только-только летят грачи...
Вот об этом и побеседуем,
И покурим и помолчим,
Пока осень в окно стучит...

Автобус

Автобус шел по стороне,
По Петроградской стороне,
По Выборгской по стороне
И я увидел

(не в окне,

А над окном и на стене,
На обмороженной стене)
Простые цифры –

1307...

... Значит

в 1307 году

Был автобус уже на ходу,

Обливаясь бензиновый потом,

Он катил по невский болотам...

Берег был безусловно невский,

Но ещё не Невским проспектом:

Просто берег и просто грязь;

И ещё не Невский был некто

Александр и просто князь...

Был таким голубым автобус,

Как бывает новенький глобус.

Был невиданным аппаратом,

Весь – веление, весь – движение

И бежали за ним

ребята

На почтительном отдалении...

(1965)

В духе Гейне

Ездят в автобусах люди,
Серьёзный, толковый народ.
Кто время, кто обувь, кто ноги,
Кто чёрный асфальт бережёт.
А я в этот вечер, как ветер –
Не чую ни ног, ни галош,
И улицы, все на свете,
Со мною ты обойдёшь.
И все, что имел по строке я,
По слову тебе отдам,
Волнуясь, молодея,
Робея не по летам.

(1960)

Это не стружки с моего верстака,
Не для подружки плясал трепака,
Не для прогулки лёгкая трость,
Это – дом. От подвала до чердака.
Здесь жить довелось.

Пришлось рубить этот дом между дел.
Если комнат иных не найдёшь –
Значит, выстроить их не успел
Или подвёл чертёж.

Этот дом возводил без судов и ссуд,
Черепиц, половиц со склада не крал.
Отвечать доведётся – меня не спасут
Ни звонки секретарш, ни ходатайства краль.
И друзья-выручальники не унесут,
Спасая от описи, серебро и хрусталь.

Это дом, где жить довелось, а не дача
С фруктовым садиком у реки.
Здесь люблю, ненавижу, плачу
И от стен родных здесь не прячу
Ни одной строки!

*А.Эйнштейн сказал как-то, что
если бы он стал бургомистром, то
велел бы поставить на каждом
перекрёстке скамейку, чтобы люди
имели возможность посидеть
и подумать о том, что с ними
происходит.*

В столице дождь и листопад,
В столице социальности распад

И каждый на своей орбите...
Во избежанье лишних эскапад
Вы никого с орбиты не гоните!
Пушай они летят куда хотят.
Орбиты неизбежно параллельны;
Как по Эвклиду в школе говорят,
Они сплетутся в дали беспредельной...
 Но я хотел бы верить, что иным
 В полёте орбитальном одиноко,
 И я хотел бы хоть с одним таким
 Слететься не в районе бога,
 Не в бесконечности,
 а ближе и скорей,
Сойтись на мокром перекрёстке
В тени кустов и фонарей
У старого газетного киоска...
Присесть тихонько в сквере на скамью –
Скамью Эйнштейна, мытую дождями,
Смахнуть листву, сказать «Не узнаю,
Но знаю – мы встречались с Вами!»

... Такая женщина меня любила –
Забуть нельзя, а помнить – невозможно...
И жизнь пуста, постна, постыла
И жить грешно, напрасно и неосторожно...

Такая женщина меня любила —
Ночами плачу как ребенок,
Которого родная мать забыла
А он зовет ее спросонок...

Но разве докричишься в Комарове,
Где, собственно, ведь нету ничего:
Оградка с надписью суровой,
Где ждут меня скорее самого...

Казалось:

осень в пух разорена...

Но только ветер северный задует,
Традиции бесхитростной верна,
Она

опять из-под полы торгует.

А чем торгует? Разве разберёшь!

(Слух притупился и глаза привыкли)...

Кустов дрожанье, да ветвей галдёж...

Обноски листьев в лужи сыплет,

В слепую грязь швыряет семена,

Над ними плачет мутными слезами...

А мне,

Признаюсь между нами,

Казалось:

осень в пух разорена.

Февраль присвистнет, как жиган.
Метет деревья, треплет крыши
И снегом на асфальте пишет:
«Обман вся оттепель, обман...»
А сам с бандитскою сноровкой
Каленой финкой тычет ловко
В белесый от испуга лес,
И кажутся татуировкой
Косые просини небес...

Закат, ветер и деревья

Зачем весь вечер ветер ветви теребит?
Они и так черны и голы,
Как погорельцы в дальних селах,
Когда пожар ещё горит.
Зачем весь вечер ветер ветви теребит?
Они и так черны и голы.
Давно не видят сон веселый,
И сок зеленый в жилах спит.
Не надо ветви теребить!
Не надо ветви торопить!
Придут и сон, и сок, и листья,
И будет дерево ветвистей,
Коль суждено ветвистым быть.

Закат в окне поезда

Ветра огладили лежалые снега,
Они как ил под океанской толщей –
О них забыли берега,
И волны больше их не морщат,
Окно вагона как экран Кусто
В подводный мир, бескрайний и пустой.
Теснятся тени в сизоватом дыме...
Завьюженное кружево кустов,
И рыба красная колышется над ними.
Забудет удивлённый пассажир
О снеге, о кустах, о солнце на закате,
Он будет думать только о награде,
О чуде, залетевшем в этот мир.

Мне неважно – как величают
По латыни моих певцов...
Знать бы только: что означают,
Что же значат, в конце концов
Эти присвисты без корысти
И метафоры без причин,
Возникающие, словно кисти
Неожиданнейших рябин
Где-то в чаще еловых веток,
В тишине сосновых вершин

И у самой дороги
 где-то
У следов пробежавших шин.
Как такая разноголосица
(Щебет, паузы и смена мест!)
С лесом все-таки соотносится,
Как дыхание его и жест?
Почему любое количество
И состав любой запевал
Все равно дают канонический
Каждодневный лесной хорал?
(1968)

Аллегро Шостаковича плясало
И, задыхаясь, уходило ввысь,
Потом какое-то кресало
Вдруг исторгало
 искры брызг,
Потом плашмя валилось наземь,
Чтоб тосковать с одной из скрипок
И повторяло: «Разве,
 разве
Ваш мир и дух
 не так же зыбок?»

Совсем не надо торопиться.
Еще успеем. Все равно.
... Не торопясь взлетает птица.
Белеет медленно окно.
Неторопливо белка треплет
Сухую шишку на сосне,
Покачивая ветви,
Как будто все это во сне.
Неторопливо снег порхает,
Пока на снег не упадет.
А, если солнце, –
тихо тает,
Чтоб возвратиться через год.

Окно

Скрипучий день везли волю
И только к вечеру награда:
Деревьев черные стволы
На фоне синего заката!
Ее нельзя окантовать –
Гравюру
на стекле оконном,
Она наградою законной
Дается мне минут на пять...
А после – гаснет ясный фон

И ветви
 вечер выплывают,
И из глубин его слетает
Мой редкий гость –
 полночный сон.

Ты называешь осень гимном...
И это верно:
осень – гимн!
Но листья на асфальте гибнут,
Не возвратиться в землю им.
В их пожелтеньи,
 в их изгибе
Еще до срока, на ветвях –
Сознание гибели
 и гибель,
Поспешность превращения в прах...
 Поэтому я просто счастлив,
 Когда, весенний зная путь,
 Травинок сладостные сабли
 Проткнут асфальт хоть где-нибудь!

Бежит из Петербурга Ленинград
К болотам, на холмы, на перекаты,
Свои жилища ставя наугад

То поперёк, то вдоль, как будто так и надо.
И люди больше граду не жильцы –
Туристы с рюкзаками в воскресенье,
Текут во все возможные концы,
А где конец –
 подумать нет умения.

Учитесь жить у проводов –
Их тоже слишком много...
Учитесь жить у проводов –
Их путают, как только могут...
Учитесь жить у них –
 они
Лелеют ток прилежно,
Чтобы в домах зажглись огни
И фонари
 на улице заснеженной!

Музе моей

Моя маленькая любовница,
Безобразница, озорница...
Поцелуи её всё помнятся,
Переписка её хранится.

Двери заперты. Окна заперты.
На кровать я валюся замертво,
А она пробёрется, грешница,
И ко мне приляжет, принежится...
Что мне делать с этой девчонкою?
И её ручонками тонкими?
Болтовней и насмешливой песенкой,
Что она поёт мне тихесенько?

А другой раз начнет расспрашивать
Так настойчиво и сердито,
Всё, что было уже забыто,
Объявляет совестью нашею.
— «Ах, мы люди такого, мол, сорта,
Что нам надо совсем немного,
И опять мы забудем Бога,
Станем помнить мы только чёрта!..»
Тут объявит себя пророчицей
И пойдёт обвинять да умничать...
До утра заставит ворочаться...

Часто, часто прикинется Белкою,
Моей Белочкой и Белунечкой,
Ну а чаще ещё сиделкою,
Просто гостьей, курортницей, дачницей,
Разлюбовницей-скороспелкою...
Моя милая неудачница!

Сады Кахетии цветут,
Белеют, розовеют, зеленеют –
Им как бы непривычен этот труд
И не вполне ясна идея,
Но поиск яростный весенних этих дней,
Как песня старая в ущельях Алазани.
То легче ей как будто, то трудней,
А вместе – радостно расстаться с запозданием!
И не пройдёт двух-трёх недель,
Едва опомнятся поэты,
Начнёт цветы сдувать апрель
И пастбища желтить,
совсем как летом!

Деревья почернели от забот,
Им не под силу груз зеленый...
А, может, ветер
или грусть
к поклонам
Их понуждают?
Кто там разберет!
Но только
с каждым днём
в ветвях
Слабеет воля к возрождению,
К сопротивлению и к преодолению,

Как у погрязших в мерзости нерях.
Дождем их моют каждый день
и ночь,
Срывают пожелтевшие одежды...
Но, видно, им нельзя теперь помочь –
Им до весны не зеленеть,
как прежде.

Теперь я понял: Неотвратимость
И Быстротечность – две сестры.
Они – двойняшки.
Их черты,
Повадки их
почти неразличимы.
Теперь я знаю: старым девам,
Бедняжкам этим,
все равно.
Подумаешь – душа и тело!
Все надоело им давно...
Следить за сменой поколений
Им незачем
и недосуг.
Что может вызвать, кроме лени,
Вся эта суетность молений
И сожалений, и потуг?

Давным-давно заставил кто-то
Сидеть и прясть, и нити рвать...
Конечно! Скучная работа
И пряжу некуда девать.

Осень лихая пуста.
Солнце устало.

Деревья расхристаны.
И пароходы теснятся у пристани.
Знать, не спроста...
Прыгает ветер на город с моста,
С крышами что-то никак не управится
И острова ему тоже не нравятся,
Знать не спроста...
Стынет, словно считает до ста,
Словно под маскою в день операции
Адмиралтейство...
И не собратъся нам
Письма писать...
Знать, не спроста!

О, Господи, ты разве бог!?
Ты просто незадачливый отец, который
Детей осиротевших убересть не смог
От бесконечной крови и позора...

А, если, все-таки ты бог
Всевидящий, всесильный, всемогущий
Так как же ты и смел, и смог
Шесть тысяч лет любимое создание мучить?
(Январь 1995)

Ах, не морочь, не тарахти, апрель!
Подвохи, вздохи, окаянство –
То лёд, то ветер,
 то шрапнель
Капели
 – взрыв пространства...
Да карусель синели
 у мостов,
Вокруг мостов,
 вокруг домов
 и даже
Образование провалов, скважин,
Полос и трещин в небесах
И в почерневших за зиму лесах...

А в марте все (увы!) неточно и непрочно
Мороз ночной и оттепель
 вдвоем
Хрустят ледком по трубам водосточным

И нам такое вдруг принапророчат,
Что тротуары мы не узнаем,
Скрестились ожидания и тревоги,
Весенняя усталость и призыв,
Как разлетающиеся вдаль дороги,
Как реки, нисходящие в залив.
А март их предаёт и презирает,
Ракетою взлетает,

а потом

От совершенства уставая,
Он кошкой драною мяукает с котом.

День тревожный и хрупкий,
Рассыпается крупкой
И становится хлипким,
Струйкой к городу липнет...
Простоват, не поваплен,
С веток каплет и каплет.
Он рассеян до края
Что-то сеет, теряет,
Стынет, мокнет и млеет,
Ждёт в далёких аллеях,
Как бы кинуться наземь
Или спрятаться на зиму,
В первый тёплый сугроб.

Постылый дождь! Он так уныл...
И сизый снег... И эта грязь...
Проснуться бы хоть раз,
Чтоб дождь под окнами не ныл!
Проснуться бы,..

а под окном

Снегирь повздорил с воробьями,
Рябинным опьянен вином,
Он их опять переупрямил.
Он красногруд, как генерал.
Как он по насту прошагал
Под залпами морозной сини...
Потом взлетел,

взметая иней...

И так взлетел,

что я забыл,

Как дождь когда-то в окна бил!

—————

Стихи прибредились, приснились, пришептались,
Вспугнули ночь и притемнили день,
Овеществлялись, перевоплощались,
Объем искали и теряли тень.
Они гудели, как прибой далекий,
Как мины старой взрыв и разворот,
Они зубрили давние уроки
И делали наоборот.

И, наконец, в припадке своенравья,
Отвергнув камень, холст и медь,
Они решили, что пора им
Вернуться в слово
или умереть!

Ах, в марте снова в лес придем мы
А там – разлив воды студеной,
А там заглушьё и затишьё –
Травы не видно, птиц не слышно...
Березы только и рябины
Под солнце подставляют спины
И в полусне (рабыни моды!)
Через плечо глядятся в воду,
Мечтают о зелёном мини,
Зелёных туфельках и блузе,
Зелёном шарфике и листьях...
Не из тщеславья и корысти,
А просто: нагота – обуза,
Когда у рожи на виду
Или одна растёшь в саду.

Весело и как-то ловко
Со мной обходится зима.

Скрипит как будто под диктовку,
А на поверку-все сама!

Я думал: отдаленный пригород –
Вот одиночества разбег,
Оно привычно здесь как изгородь,
Как на ступеньки дачи снег...
А оказалось: в одиночество
Зима поверить не дает,
Ей почему-то так и хочется,
Чтоб был на перекрестках лёд.
У всех калиток – тоже лёд,
И на крылечках – лёд да лёд!
Зачем-то электричкой вычурно
Она кричит, летя в туман,
Туда, где лес под вечер вычернен,
Как телевизионный экран.

Две вариации о тишине

1

Счастливых посещает тишина,
Как посещает берег час отлива,
Но только им совсем не сиротливо –
Им внятна эта тишина...
Счастливым к счастью час отлива

И очищений, и надежд.
Поэтому не слушайте невежд,
Не верящих в часы отлива!
Они не верят, что в часы надежд
Не просто море обнажает скалы –
Даль обретает простоту кристалла
И чистоту надежд...
Поэтому – не слушайте невежд.
Счастливым к счастью тишина.
Она не только обнаженье дна,
Она – прощанье с суетой надежд.

2

Вечерами здесь такая тишина,
Что душа, как сад, обнажена,
И заснежена она, как зимний сад...
Только ветки мерзлые звенят
И теряют снег и даже птиц...
Только белые глаза моих страниц
Все не гаснут в этой тишине,
Вечерами в этой тишине...

... А до зимы осталось пять минут...
Последний дождь последний лист сбивает.
А дальше что?

Так и бывает:

Не знаешь, что еще преподнесут.
Хрустящий утренник случится...

Он – решенье

Запутанного ветром и дождем...
Но что он – утренник? Зима?

Зимы предупрежденье?

Глядим на градусник и ждем...
И видим,

как стремится в шарик

Ртуть

и по травам инеем ползет,

И ждем: мороз вот-вот нас позовет.

Окликнет,

и настигнет,

и ударит!

Торжественная осень, не спеши,
Не торопи обряда расставанья с летом,
Своё швыряние букетами
Хоть на недельку отложи!
Нам тяжек этот переход.
Дай присмотреться, притерпеться...
Конечно, всё знакомо с детства
И происходит каждый год,
Но трудно понимаем все мы
Зачем случаются подряд

Губительные перемены
И столь торжественный обряд!

Нелегкий груз поэзии родной
Меня гнетет еженедельно по субботам,
Когда уже оставлена работа
И сумерки сгустились надо мной.
Я открываю тяжкий переплет,
Как двери опоздавшего экспресса
У станции, что на виду у леса,
Где город мой по-прежнему живет.
Тут за вокзалом улица – строка,
Кварталы строф, бульварами сонеты,
Поэмы – парки и пруды,
и летом
Синкопы трав предчувствует нога.

Смерть надо мной кружила с давних пор,
Но так и не решалась. То ли
Я ускользал?
(конечно, это вздор)
Я просто на побывку был уволен.
И навестил родных, приятелей, друзей
И филармонию, и наш музей.

Но не прощался...

Вряд ли это надо...

Два слова, три-четыре взгляда

И все...

Игольчатый снежок

И солнце за домами

Разбегом этих строк

Разговорились с нами.

О чем же разговор,

Когда и так все ясно —

И этот дом, и двор,

И этот день прекрасный?

Но день без этих строк

Покажется морозным!

Какой от солнца прок,

Когда совсем уж поздно!

Оно уже скользит

За крыши и деревья.

Деревьев жалок вид —

Не ветви, а отребья.

И только та строфа:

«Игольчатый снежок

И солнце над домами...»

Ей не положен срок,

Она всегда права,
Всегда пребудет с нами!

А на стене детсада слон изображен.
Вскинул хобот и трубит.
Позабыл, что на дворе дождит,
Что давно не слышен листьев звон...
Ничего не слышит и не видит он,
Вскинул хобот
и трубит...

Меня тревожат эти сосны.
Горят
 который день подряд,
Хотя февраль опять морозный
И будет снежный,
 говорят.
Я звал приехать,
 но не вышло...
Стихами разве сберегу,
Как целый час сегодня с лишним
Костер пылает на снегу.

Да! Жизнь очень коротка.
Но как же долго, нестерпимо

Выматывает из мотка

Ночь

нить,

когда не спим мы!

Когда не спим мы ночь

вдвоем

И врозь досада изнуряет,

И каждый что-нибудь свое

Ночь

всю

безудержно теряет!

А время,

время наше

вспять

Течет опять...

до примиренья...

Но эти утренние бденья –

Как коротки они опять!

—————

Так горько мне, что с некоторых пор

Горчить мне горечь перестала...

Как пересыщенный раствор,

Готовый отвердеть кристаллом,

Вот-вот и выпаду я весь

В углы и в иглы, в нити, в грани,
Все, что случилось с миром днесь,
Я отблещу ему заранее.
Ничтожный лучник уловив,
Переломив и повторив,
Переумножив многократно,
Клинком швырну его обратно!
(1968)

Поэт хорош, когда он плох.
Он – бедный пахарь, а не панский нунций,
И пахота его – не крик, не вздох, а только вдох
И выдох,
 чтоб не задохнуться,
Как вдох и выдох повторенье строк,
Как выдох – все четверостишие,
И взрывы ударений, и затишья
Как будто сердцу дан аванс
 и срок.

Ах, я, наверно, не ученый
И, вероятно, не поэт,
Я просто дважды удивленный,
И неприкаян – столько лет...
Пожалуй, личным бездорожьем

Детство

Струилось время школьное, как страх
И как предчувствие, застывшее в веках.
О, одиночество! О, тяжесть ожидания!
И, наконец, на волю – в грохот и в сиянье,
На улицы, на площади, к фонтанам,
В сады, где все так широко и странно,
Туда, где нам одним гулянье-испытанье,
(В коротком платьице куда нам деться, детям?)
О, одиночество! О, всех чудес на свете ожиданье!
Вглядеться вглубь, все разглядеть причины:
Вот женщины прошли, а рядом шли мужчины,
И дети с ними – пестрые, чужие...
Их не задень, не тронь, и слова не скажи им.
Потом дома – то лучше, то похуже.
В одних открыты двери, как доверье.
В других встречают псы цепные. И стена...
О, грусть без смысла! Сон и ужас...
О, глубина без дна!
Потом играем в мяч, пьянея от мяча.
В пылу игры, оглохнув и ослепнув,
Мы взрослых задеваем сгоряча.
А в этот час кусты в садах, немея, блекнут.
И вот опять, когда начнется ночь –
Она нам руки закует и ноги свяжет.
О, смыслы, ускользящие прочь!

О, страх и тяжесть!
Или часами у прудов, и серых, и сырых,
Совсем забыв о парусах других,
Что на других морях к другим портам причалят,
Мы на коленях над корабликом торчали
И думали о бледном от печали,
О маленьком лице, глядевшем из пруда,
Как ожидание, как счастье, как беда...
О, детства ускользающие дали!
Куда? Куда?

Над скорбным днем я царствовал опять,
А ночь опять швырнула на колени...
Дозволь мне, Боже, на одно мгновенье
С главы моей корону приподнять.
Гнетущей тяжести я долго ли обязан
Служить? О, разреши когда-нибудь
Ее рубинам, бирюзе, алмазам,
Дрожа, в глаза горящие взглянуть!
Я знать хочу: их свет не истощен ночами?
Я знать хочу: грусть не украла камни те?
А вдруг их не было?
И с самого начала
Служу я пустоте?!

Кто мне скажет, куда
Жизнь тянется год из года?
Просто, может быть, в непогоду
Хлещусь в пруде как вода?
Или я только весенний, бледный
Тополь, мерзнущий у пруда?

Решающий час

Плачущий где-нибудь на земле,
Без причины, где-нибудь на земле,
Плачет и обо мне.
Смеющийся где-нибудь в эту ночь,
Без причины, где-нибудь в эту ночь,
Высмеивает меня.
Бредущий где-нибудь по земле,
Без причины, где-нибудь по земле,
Идет он, идет ко мне.
Умирающий где-нибудь в эту ночь,
Без причины, где-нибудь в эту ночь –
Всматривается в меня.

Из ночи бурь

Буря, крепчая, колышет простор,
Широчайшую ночь, на себя не похожую,
Как будто временем до сих пор
Была она в складочки сложена.
И там, где звезды ее стерегут,
Ей не кончаться.
И тут, где лес не начинается и не начнется,
Если к челу моему прикоснется
Или тобою ее назовут.
И лампы-заики не знают,
Про свет – было им наврано или нет?
А может и верно – тысячи лет
Одна только ночь над землей...

В эти ночи во всех городах
Пестрят знамена,
И в них вцепился вихрь иступленный,
Как в волоса,
И тянет их туда,
Где незнакомая земля –
Сады, и реки, и поля.
Там – в каждом саду по пруду,
У пруда – одинокий дом,
В доме каждом горит огонь,

И все люди грустят об одном,
Пряча лицо в ладонь.

Осенний день

О, Господи, пора! Заждалось это лето.
Сам
Стань тенью солнечным часам,
Дай волю полевым ветрам,
Вели плодам последним дозревать,
Дай им два лучших, два последних дня,
Дай совершенство им, их благодать,
Их сладость в тяжкое вино перегоня.
Теперь безлюдным не построить дома,
Покинутым надолго быть одним,
Не спать,
Читать,
И письма им писать,
И по аллеям им бродить,
Пока листва легка и невесома.

Случится иной раз: проснется ветер,
Как ночью глухой просыпаются дети,
Деревья тронет и неторопкий
К деревне древней бредет по тропке.

Бредет, спотыкаясь, к пруду, к запруде,
И там прислушивается сиротливо...
Но, бледные, спят и дома, и люди,
И дубы еще молчаливы...
